

Григорий Васильевич Бардовский

120 лет назад имя его гремело в одном ряду с именами таких корифеев русской адвокатуры, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, Д. В. Стасов, А. И. Урусов. Он выступал на самых крупных политических процессах эпохи – участников Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х». Революционеры считали его своим преданным другом. Его родной брат – Петр Васильевич – был казнен царскими палачами за революционную деятельность. Самого же Г. В. Бардовского арестовали, в тюрьме он заболел душевным расстройством, и на этом все сведения о нем обрываются. Теперь его имя почти неизвестно. Только в специальных справочниках ему отведены несколько строк, причем год заболевания Бардовского (1880) объявляется датой его смерти¹, тогда как в действительности он жил до 1907 г. Но – обо всем по порядку. Трагическая судьба адвоката Бардовского заслуживает нашей доброй памяти...

Григорий Васильевич Бардовский вырос в семье известного и передового для своего времени педагога, директора 1-й петербургской гимназии. Родился он в 1848 г. То был год бурных революционных потрясений на Западе. Отзвуки их долго волновали и Россию. Детство и отрочество Бардовского прошли под впечатлением первой в России революционной ситуации (1859–1861 гг.). Охвативший тогда всю страну демократический подъем во многом определил его жизненный путь. Хотя Бардовский не стал активным революционером, он смолоду «заразился» освободительными идеями. Его увлек долг служить родине только на передовом общественном поприще. Поэтому, окончив Петербургский университет, он решил идти в адвокатуру.

Русская профессиональная (так называемая присяжная) адвокатура была самой молодой в Европе. Она конституировалась лишь в результате судебной реформы 1864 г. и сразу же привлекла к себе много талантов – привлекла своей, хотя и относительной, но все-таки большей, чем где бы то ни было из легальных институтов, а с первого впечатления казавшейся даже абсолютной, гласностью. «Король адвокатуры»² В. Д. Спасович на всю жизнь запомнил тот «восторг», который он и его единомышленники испытывали, когда к ним «явилась, точно Афродита из пены морской, другая богиня, нагая,

¹ См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. Стб. 83; Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. Стб. 131. В Большой советской энциклопедии (как, впрочем, и в новейшей энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.») Г. В. Бардовский не упомянут.

² Андреевский С. А. Драмы жизни. Пг., 1916. С. 615.

беломраморная и не стыдящаяся своей наготы, – гласность»³. Люди честные, свободомыслящие, но не настолько передовые и активные, чтобы подняться на революционную борьбу против деспотизма и произвола, шли тогда в адвокатуру с расчетом использовать дарованную ей свободу слова для изобличения пороков существующего строя. Иные из них (как, например, В. И. Танеев) надеялись, что «в России в скором времени должна быть революция, и сословие адвокатов будет играть такую же роль, как во время французской революции конца XVIII века»⁴. Может быть, именно с такими надеждами вступил в адвокатуру и Г. В. Бардовский.

Первое же выступление Бардовского в качестве адвоката на политическом процессе (по делу революционного кружка В. М. Дьякова) в 1875 г. принесло ему известность. Молодой адвокат сразу расположил к себе революционеров и восстановил против себя карателей, уличив царский суд в жульничестве.

Дело в том, что кружок Дьякова вел революционную пропаганду среди рабочих. Активным членом кружка был рабочий-революционер Василий Герасимович Герасимов (1852–1892 гг.) – лицо, известное в истории русского освободительного движения, автор воспоминаний, неоднократно переизданных в советское время⁵. Его-то и защищал Бардовский. Прямых улик против Герасимова (как, впрочем, и против Дьякова, – оба они были отличными конспираторами) на суде не оказалось. Все обвинение было построено исключительно на доносе трех агентов сыска, которых суд использовал как «свидетелей». Бардовский опроверг эту уловку суда. «По коренному правилу устава уголовного судопроизводства, – говорил он в защитительной речи, – не обвиняемый должен доказать, что он невиновен, а обвинитель должен доказать виновность подсудимого, и чем строже положено наказание за известное преступление, тем строже суд должен относиться к уликам, представляемым обвинительной властью, и если эти улики возбудят сомнение, то оно должно быть истолковано в пользу обвиняемого»⁶. С этой позиции Бардовский дискредитировал «свидетелей» обвинения: «Можно доверять только таким свидетелям, которые несколько не заинтересованы в деле. Между тем, указанные свидетели сделали донос, на основании которого начато следствие и обвиняемые привлечены к ответственности. Следовательно, эти лица уже заинтересованы в том, чтобы их донос оправдался, другими словами, – чтобы подсудимые были обвинены». Мало того, защитник с фактами в руках показал, что агентурные «свидетели» «сами не доверяют друг другу», «сами себе противоречат». Вскрыв таким образом всю пристрастность и шаткость «свидетельского» доноса и

³ Русская мысль. 1891. № 5. С. 156.

⁴ Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 698.

⁵ Герасимов В. Г. Жизнь русского рабочего. М., 1959.

⁶ Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 1. С. 340.

подчеркнув, что других улик у обвинения нет, Бардовский счел его огульным, недоказанным⁷.

Суд пренебрег доводами защиты, пошел на поводу у обвинения и вынес подсудимым суровый приговор (Герасимов получил 9 лет каторги). Но Бардовский на этом процессе выступил не впустую. Его разоблачения проникли в печать, циркулировали в обществе и чувствительно били по авторитету царского «правосудия».

Нужно сказать, что Бардовский и на последующих процессах не упускал случая заклеить отряженных в «свидетели» (со стороны обвинения) платных агентов. На процессе «193-х» он прямо спросил одного из таких «свидетелей» Мойшу Сима: «Как вас рассчитывают — поденно или поштучно, то есть сколько людей изловите, за каждого?» Тот, не уловив сарказма в вопросе, ответил бесхитростно: «Я не знаю их расчета. Я получил 350 рублей за все»⁸.

К началу процесса по делу о Казанской демонстрации (январь 1877 г.) Бардовский был уже известным адвокатом. После этого процесса он стал знаменитым.

Казанская демонстрация (в Петербурге на площади перед Казанским собором) 6 декабря 1876 г. была «первой социально-революционной демонстрацией в России». Так оценил ее В. И. Ленин⁹. Она состоялась по инициативе и с участием революционеров из рабочих кружков, которые тогда уже объединялись в исторический «Северный союз русских рабочих». Среди них были Степан Халтурин и Петр Моисеенко. Участвовали в демонстрации и народники-землеволец. Оратором был 20-летний земледелец Г. В. Плеханов, а знаменосцем — еще более юный (едва достигший 18 лет) рабочий Яков Потапов.

Судились по делу о демонстрации лишь те ее участники, которых полиция сумела задержать «на месте преступления» (всего — 21 человек). В их числе не оказалось никого из руководителей «Земли и воли» и «Северного союза». Центральной фигурой на скамье подсудимых стал земледелец А. С. Емельянов, преданный суду под нелегальной фамилией «Боголюбов». Его защищал Бардовский.

Все подсудимые держались на этом процессе стойко, но пассивно. Никто из них не выступил перед судом с каким-либо революционным заявлением. Поэтому страстная защитительная речь Бардовского оказалась едва ли не главным событием процесса. Она была изложена в стенографическом отчете о процессе с большими купюрами, все «противоправительственные» высказывания из нее изъяты. Но в

⁷ Там же.

⁸ Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. СПб., 1878. Т. 1. С. 423.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 369.

нашем распоряжении есть полный текст речи, сохранившийся в архиве Д. В. Стасова¹⁰.

Верный себе, Бардовский и здесь разоблачил юридическую шаткость обвинения, построенного, как обычно, на показаниях специально подобранных свидетелей (дворников, городских, околоточных), которые огульно винули всех подсудимых в «сочувствии поднятию флага». Он требовал предъявить улики против каждого из обвиняемых в отдельности, доказывал, что «нельзя приписывать каждому подсудимому те действия, которые характеризовали целую толпу», что «время, когда ссылали в Сибирь десятого, секли пятого, давно и безвозвратно прошло».

Главное же, Бардовский оправдывал идеалы и самое дело обвиняемых. «Все политические преступления, – говорил он, – с первого взгляда, если судить по наказаниям, кажутся самыми ужасными, но при рассмотрении сущности их, хотя они и оказываются вредными и опасными для существующего государственного порядка, видно, что в них нет безнравственности деяния. Подсудимый совершает известное действие часто вследствие ошибочного увлечения, но всегда под влиянием хороших и честных побуждений». Он поддержал лозунг демонстрантов «Земля и воля!», тонко уязвив при этом «верховную власть», которая 19 февраля 1861 г. торжественно обещала народу и землю, и волю, но не дала, в сущности, ни той, ни другой. «Говорят, здесь было знамя с надписью «Земля и воля» и преступность видят в сочувствии этим словам. Разве эти слова означают порицание образа правления? Разве они составляют оскорбление верховной власти? Но что же тут преступного? – спрашивал Бардовский. – Положение 19 февраля проникнуто этим принципом, и я твердо и глубоко убежден, что когда Россия будет праздновать столетие 19 февраля, то на монументе, который будет воздвигнут, напишут слова «земля и воля».

Мало того, Бардовский осудил «слишком крутые меры полиции» против демонстрантов. Он сослался на мнение английского журналиста, «привыкшего в своей стране видеть полную свободу и терпимость к таким митингам недовольных». Этот журналист со страниц газеты «Таймс» подивился «строгости русских властей», которые хватают и сажают в тюрьмы участников вполне допустимого «митинга». Огласив корреспонденцию «Таймса», Бардовский заключил: «Вот как смотрит на это дело и на действия полиции сын практического и свободного народа».

Бардовского поддержали на процессе еще двое – адвокаты А. А. Ольхин и В. А. Буймистров. Агент III отделения, следивший за ходом процесса, сделал выписки из их речей, так же как из речи Бардовского, и послал их все шефу жандармов. «Все это, – доносил он, – ими говорилось с таким жаром, явно противоправительственным,

¹⁰ ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 377. Л. 1–12.

что обвиненные положительно укрепились в убеждении, что они не только не виновны, но как бы страдальцы за правоту их мыслей и действий»¹¹.

Агент был чрезвычайно обеспокоен тем впечатлением («благоприятным для подсудимых»), которое адвокаты произвели на публику. «Если защитительные речи гг. Ольхина, Буймиistroва и Бардовского и не напечатаны во всей подробности в газетах, – предупреждал он, – то они были слышаны многими и, конечно, впоследствии будут известны всем, так как бывшие при говорении, несомненно, распространят их повсеместно»¹². Так оно и было. Уже через неделю после закрытия процесса другой агент сообщил в III отделение, что на многолюдном вечере в собрании художников («одних студентов и студенток собралось более 1500 человек») была устроена овация Бардовскому «как защитнику угнетенных»¹³.

Толки вокруг дела участников Казанской демонстрации еще не утихли, когда в феврале 1877 г. начался новый, еще более крупный процесс – «50-ти». Здесь судились деятели революционного народничества и довольно большая (13 человек) группа рабочих-революционеров во главе с Петром Алексеевым. На этом процессе подсудимые, в отличие от «казанцев», выступали активно: сами обвиняли правительство, разоблачали предвзятость суда, потрясали слушателей революционными речами. Особую известность приобрели речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной.

В таких условиях защита, естественно, оказалась в тени, но ряд адвокатов, среди которых первым надо назвать Бардовского, и здесь выступал с «противоправительственным жаром». До начала суда защита сумела даже согласовать с подсудимыми общую линию поведения¹⁴. «Бардовский, Боровиковский и всеми уважаемый старший товарищ их Герард стояли во главе ее и задавали тон», – вспоминала Вера Фигнер¹⁵. Тон этот выражался в безбоязненной полемике с обвинением и в нескрываемом сочувствии к подсудимым. Показателен такой факт. Когда Петр Алексеев закончил свою речь словами, о которых В. И. Ленин, спустя четверть века сказал: «...великое пророчество русского рабочего-революционера» («подыметесь мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»)¹⁶, не только подсудимые, но и адвокаты прямо в зале суда горячо поздравляли его¹⁷.

¹¹ ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 2. Л. 30 об.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Там же. Ч. 1. Л. 219–219 об.

¹⁴ Джабадари И. С. Процесс «50-ти» // Былое. 1907. № 10. С. 188–189.

¹⁵ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. М., 1932. Т. 5. С. 183.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 377.

¹⁷ Джабадари И. С. Указ. соч. С. 194.

Бардовский, по обыкновению, в резкой форме разбивал натяжки и передержки обвинения и, как явствует из агентурного донесения, неоднократно получал за это выговор от первоприсутствующего (председателя суда)¹⁸. К подсудимым же, по воспоминаниям одной из главных обвиняемых в деле «50-ти» Ольги Любатович, он выказывал «замечательную сердечность и симпатию»¹⁹.

Прошло немногим более полугода после дела «50-ти», и в Петербурге открылся грандиозный процесс «193-х» – самый крупный из политических процессов в царской России. Он слушался больше трех месяцев – с октября 1877 по январь 1878 г. Число арестованных по этому делу превысило 4 тысячи, но с большинством из них каратели расправились без суда. Среди тех же, кто был предан суду, оказались ветераны революционного народничества, познавшие тюрьмы и ссылку еще в 60-е годы (П. И. Войноральский, М. Д. Муравский, Ф. В. Волховский), и юные, 18–20-летние народники (М. А. Гриценков, Ф. С. Семенов, В. Н. Городецкая), и первые в России рабочие-революционеры (С. П. Зарубаев, И. О. Союзов, М. А. Орлов).

Что касается защиты, то ни на одном из политических процессов при царизме состав ее не был таким блестящим, как на процессе «193-х». Здесь собрался чуть ли не весь цвет русской адвокатуры: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Г. В. Бардовский, Е. И. Утин, В. Н. Герард, П. А. Потехин, А. Л. Боровиковский, А. Я. Пассовер, Н. П. Карабчевский, Е. И. Кедрин, В. В. Самарский-Быховец, А. Н. Турчанинов, М. Ф. Громницкий и другие, всего – 35 адвокатов. У каждого из них было по несколько подзащитных (больше всех у Бардовского – 18).

Процесс «193-х» выделяется из всех политических процессов в России совершенно исключительной активностью как со стороны подсудимых, так и со стороны защиты. Подсудимые дали суду и правительству, именем которого орудовал суд, настоящий бой. В ответах на вопросы судей, заявлениях, репликах с места они выражали свое презрение к суду как холопу правительства, клеймили антинародную сущность царского режима и открыто провозглашали свои революционные убеждения. Один из них – Ипполит Мышкин – выступил с речью, воспринятой современниками как «наиболее революционная речь, которую когда-либо слышали стены русских судов»²⁰.

Защита же, по свидетельству одного из героев процесса «193-х» Н. А. Чарушина, «шла с подсудимыми все время рука об руку и немало содействовала увеличению политического значения процесса и

¹⁸ ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. Л. 145.

¹⁹ Любатович О. С. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 22.

²⁰ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публикация В. С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

влияния его на общественные круги»²¹. Речи адвокатов по делу «193-х» до сих пор не опубликованы, но доступны исследователям. Стенограммы их хранятся в ГАРФ среди других материалов процесса. Читая их, удивляешься смелости, с которой адвокаты опровергали и высмеивали инсинуации обвинения, буквально издеваясь над тем, как царские судьи «с трибуны, с высоко поднятой головой возводят в идеал гражданской доблести шпионство»²². Присяжный поверенный П. А. Александров дерзко заявил по адресу устроителей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»²³. Зато освободительному движению иные адвокаты предрекали победоносную будущность. «Никакие политические процессы, никакие заключения, – говорил, например, Д. В. Стасов, – не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития»²⁴.

Бардовский был на этом процессе одним из самых активных защитников. В яркой защитительной речи он осудил произвол обвинителей, которым, «чтобы достигнуть желанной цели, пришлось перешагнуть через 66 трупов»²⁵, и указал судьям на тщетность их попыток опорочить подсудимых. «Каков бы ни был ваш приговор, где ни кончат они свои дни, относительно многих из них всегда можно сказать те слова, которыми лучший русский историк (С. М. Соловьев. – Н. Т.) характеризует историческую личность: это — преданность идее, каковою бы она ни была»²⁶. В агентурном донесении с пометой «Д. Е. В.» («доложено его величеству») о Бардовском было сказано так: «Подсудимых считает мучениками и страдальцами произвола и грубой силы. Жандармов положительно закидал грязью... Речь его, весьма понятно, произвела подавляющее впечатление. В публике многие даже плакали»²⁷.

В кульминационный момент процесса, когда выступал с речью Ипполит Мышкин, а жандармы по приказу первоприсутствующего набросились на оратора, пытаясь зажать ему рот, Бардовский и еще несколько защитников обступили первоприсутствующего, требуя записать в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых²⁸. По словам очевидца, в тот момент в зале суда царило

²¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 263.

²² ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 797. Л. 51 (речь В. Н. Герарда); Д. 798. Л. 101–102 (речь Е. И. Утина).

²³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 58 об.

²⁴ ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 379. Л. 48 об.

²⁵ Г. В. Бардовский имел в виду тот факт, что за время подготовки процесса «193-х» 66 человек умерли или покончили с собой в царских тюрьмах.

²⁶ ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 800. Л. 102 об., 107.

²⁷ Там же. Д. 771. Л. 92 об.–93 об.

²⁸ Там же. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 1. Л. 553 об.

смятение. Подсудимые выкрикивали проклятья, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Первоприсутствующий буквально сбежал, забыв объявить о закрытии заседания, члены суда последовали за ним. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых, и публику из зала. Тем временем защитники старались привести в чувство женщин, лежавших в обмороке. Туда же ткнулся было жандармский офицер, но кто-то из защитников прогнал его, сказав так, чтобы все слышали: «Один ваш вид приводит людей в ужас!» Прокурор В. А. Желеховский, который растерянно сновал между опустевшими судейскими креслами, мог только воскликнуть: «Это чистая революция!»²⁹.

Об этой сцене сообщалось и в агентурном донесении с пометой «Д. Е. В.». Защитник, который «грубо отогнал предлагавшего свои услуги жандармского офицера», там назван. Это был Бардовский³⁰.

Еще через полгода Бардовский выступил защитником на громком процессе по делу революционного кружка И. М. Ковальского, участники которого первыми в России оказали коллективное вооруженное сопротивление жандармам при аресте. Процесс слушался в Одесском военно-окружном суде с 19 по 24 июля 1878 г. Суд назначил обвиняемым местных защитников из числа кандидатов на военно-судебные должности, подчиненных прокурору как начальнику по службе, но Ковальский и еще трое его товарищей воспользовались правом избрания защитников и вызвали из Петербурга Бардовского и Стасова³¹. Те сразу же приехали. Бардовский взял на себя защиту Ковальского.

Текст речей Бардовского и Стасова на этом процессе до нас не дошел. Но мы можем судить о них по отзывам слушателей. Сами подсудимые и проникшие в зал суда с публикой другие революционеры вспоминали о Бардовском и Стасове так: «оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи»³². В частности, защитники изобличали предвзятость суда, указывая на то, что «единственными свидетелями обвинения являются полицейские»³³, и, главное, осуждали «белый террор» царизма как варварское и, к тому же, тщетное средство борьбы. Бардовский прямо заявил: «Не забывают, господа судьи, что эшафот, обгаренный кровью такого преступника (как народолюбец Ковальский. – *Н. Т.*), приносит совсем не те плоды, какие от него

²⁹ Государственные преступления в России. Т. 3. С. 283.

³⁰ ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 771. Л. 66 об.

³¹ Там же. Ф. III отд. 3 эксп. 1878. Д. 95. Л. 96.

³² *Виташевский Н. А.* Первое вооруженное сопротивление – первый военный суд // *Былое.* 1906. № 2. С. 239; *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация // *Каторга и ссылка.* 1928. № 8–9. С. 73.

³³ *Чернявская-Бохановская Г. Ф.* Автобиография // *Каторга и ссылка.* 1928. № 5. С. 57.

ожидают пославшие осужденного на казнь!»³⁴. Не удивительно, что одесский военный генерал-губернатор граф В. В. Левашов испросил высочайший запрет на печатание стенографического отчета по делу Ковальского «ввиду тенденциозного характера защиты»³⁵, а царь «изволил отнестись с особенным неудовольствием к подобному направлению защитников по вышеозначенному делу»³⁶.

Суд и на этот раз не внял доводам защиты. Ковальский был приговорен к смертной казни. По свидетельству очевидицы, «Бардовский был до того расстроен, что с ним сделался сердечный припадок»³⁷. Сам же Ковальский встретил приговор мужественно. Услышав крик возмущения в толпе, собравшейся перед зданием суда, он воскликнул: «Слышите, судьи, слышите? Это голос общественной совести. Я теперь спокойно могу умереть. За меня отомстят!»³⁸. Казнь Ковальского, действительно, как предупреждал об этом судей Бардовский, дала не тот эффект, на который рассчитывали каратели. Она не устранила революционеров, а, напротив, побудила к еще более решительной борьбе с правительством.

Процесс Ковальского был последним из тех, где довелось выступать Бардовскому.

Все вообще политические процессы 1877–1878 гг. имели выдающееся агитационное значение. С одной стороны, они поколебали престиж царизма, с другой – продемонстрировали величие и неодолимость освободительного движения, возбудили оппозиционный дух в обществе. Все это во многом зависело и от выступлений адвокатуры. Позднее «Народная воля» в числе фактов общественной активности 1877–1878 гг. отметила и такой: «Адвокаты гремели смелыми речами, в которых приковывали правительство к «позорному столбу»³⁹. Словом, русская адвокатура тоже вплетала лавры в тот, по выражению народовольца А. Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»⁴⁰, который доставили освободительному движению политические процессы конца 70-х годов. Можно утверждать, что никогда более (ни раньше, ни позже) она не поднималась на такую высоту, как в те годы. Время процессов по делу о Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х», Веры Засулич и Ковальского – это время ее наибольшей активности и славы. Одним из самых ярких ее представителей именно того времени и был Григорий Васильевич Бардовский.

³⁴ *Илич-Свитыч В. С.* Мое знакомство с И. М. Ковальским // Былое. 1906. № 8. С. 154.

³⁵ Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 265.

³⁶ ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1878. Д. 95. Л. 100–100 об. (министр внутренних дел Л. С. Маков – шефу жандармов Н. В. Мезенцову).

³⁷ *Чернявская-Бохановская Г. Ф.* Указ. соч. С. 58.

³⁸ Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907. С. 125.

³⁹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 45.

⁴⁰ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 260.

Отмечу здесь, что в то время, когда царизм уступал силе революционного натиска, вождем которого являлась буржуазно-демократическая интеллигенция, адвокаты были увлечены идеями борьбы против царизма и остатков крепостничества за буржуазное преобразование России, поддерживали революционеров, хотя и ворчали на «крайности» их теории (социализм) и практики (террор); в общем, играли роль попутчиков революционного движения. Состав, права и воззрения присяжных поверенных тогда были таковы, что революционеры использовали их с большой выгодой для себя и в ущерб правительству. Иной стала адвокатура и по составу, и, особенно, по убеждениям в конце XIX–начале XX вв., когда, с одной стороны, царизм обкорнал судебные уставы 1864 г. и, в частности, жестко стеснил права сословия присяжных поверенных, ограничив таким образом приток талантов в адвокатуру, а с другой стороны, в революционном движении на роль гегемона выдвинулся пролетариат, угрожавший не только господству царизма, но и благополучию буржуазии, плоть от плоти которой были адвокаты. Поэтому В. И. Ленин строго наказывал большевикам на политических процессах: «адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение»⁴¹.

Вернемся теперь к Бардовскому. В революционных кругах 70-х годов он был популярен, как немногие из адвокатов. Тот факт, что на процессе «193-х» именно его выбрала в защитники самая большая группа подсудимых, не случаен. Кстати, суд не всегда соглашался с избранием Бардовского. Например, землевольцу поручику В. Д. Дубровину (вскоре казненному по приговору суда за вооруженное сопротивление жандармам при аресте), хотя он и требовал в защитники только Бардовского и никого более, был назначен адвокат, «состоящий при суде»⁴². Показательно для репутации Бардовского, что защиту Веры Засулич революционные круги, подбирая лучшего из лучших адвокатов, решили было поручить Бардовскому и Александрову вместе, но Александров попросил оказать ему «честь вести все дело безраздельно» и добился этой чести⁴³.

Революционеры ценили Бардовского не только за деловые, но и за нравственные его качества. Он был, по словам Ольги Любатович, «человек прекрасный и добрый»⁴⁴, безукоризненно честный и преданный идеалам гуманности, справедливости, демократии. С революционным лагерем он имел тесные связи. В числе его друзей были видные революционеры (та же Любатович, Вера Фигнер, Николай Морозов). Он помогал революционерам информацией, приютом и материально: пожертвовал 900 руб. «на нужды

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 171.

⁴² РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2, 1879. Д. 202. Т. 2. Л. 25, 28–28 об.

⁴³ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1965. С. 70.

⁴⁴ Любатович О. С. Далекое и недавнее. С. 22.

осужденных» по делу «50-ти»⁴⁵, вносил деньги в фонд «Земли и воли»⁴⁶. Царский сыск в конце концов узнал о его революционных связях и даже сильно преувеличил их: агент-provokator В. А. Швецов в докладе III отделению летом 1879 г. назвал Бардовского членом общероссийского «революционного центра»⁴⁷.

По крайней мере, с весны 1879 г. Бардовский был взят царскими агентами под особое наблюдение. За ним следили и на службе, и дома. Так, 3 мая 1879 г. специальный агент доносил в III отделение, что на заседании петербургского Совета присяжных поверенных «большинством присутствовавших были высказаны враждебные правительству мнения, а также в очень резкой форме было выражено порицание правительству по поводу последних арестов (в связи с покушением А. К. Соловьева на царя 2 апреля 1879 г. – Н. Т.). Наиболее выдающимися в этом деле... были Соколовский, Бардовский, Унковский и Борщов»⁴⁸. 24 июля служивший в III отделении по заданию «Земли и воли» первый контрразведчик русской революции Н. В. Клеточников предупредил землевольцев о готовящемся обыске у Бардовского⁴⁹. Землевольцы попытались спасти адвоката, но не успели. «Дважды я приходила на его квартиру, чтобы предупредить его, и дважды не заставала дома, – вспоминает Вера Фигнер о 25 июля 1879 г. – Вечером он был в театре, куда я не могла попасть. Поздно он вернулся домой; нагрянули жандармы, за шкафом нашли пачку номеров «Народной воли»⁵⁰, спрятанных им; арестовали его»⁵¹.

В тюрьме впечатлительный Бардовский не вынес тягот палаческого режима и вскоре заболел душевным расстройством, но тюремщики не торопились лечить его. 1 октября 1879 г. газета «Народная воля» писала: «Бардовский подвергся припадкам острого умопомешательства. Несмотря на всю опасность его положения, начальство, вместо того, чтобы дать покой душевнобольному, поместило в его камеру несколько жандармов, обязанных следить за каждым его шагом. ...Несколько времени тому назад согласились было отдать его на поруки за 25 тыс., причем сочли нужным сделать внушение его жене, что если он скроется, то ее возьмут как заложницу и будут судить военным судом. Но все это показалось, должно быть,

⁴⁵ Фигнер В. Н. Процесс «50-ти». М., 1927. С. 25.

⁴⁶ См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 139.

⁴⁷ Там же. С. 215.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Д. 888. Л. 13–14.

⁴⁹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 219.

⁵⁰ Здесь В. Фигнер ошиблась. «Народная воля» тогда еще не выходила. У Бардовского нашли пачку номеров журнала «Земля и воля» (ГАРФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 30. Л. 13).

⁵¹ Фигнер В. Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 260.

жандармам недостаточной гарантией – Бардовский до сих пор еще сидит»⁵².

Выпустили его из тюрьмы лишь 9 октября 1879 г. – уже в безнадежном состоянии. Вот последнее из прижизненных свидетельств о Бардовском, которыми мы располагаем, – письмо присяжного поверенного В. О. Люстига к Д. В. Стасову от 8 июля 1880 г.: «Бардовский очень плох. Его пришлось поместить в клинику... В клинике видел его товарищ прокурора Шульгин, который знает его с детства, и говорил мне, что Бардовский производит чрезвычайно тяжелое впечатление и вряд ли может поправиться»⁵³.

Он и не поправился. Разум не вернулся к нему. Жизнь его пошла как бы на холостом ходу, хотя она еще продолжалась долго – целых 27 лет. «Петербургский некрополь» сообщает, что присяжный поверенный Григорий Васильевич Бардовский умер 8 сентября 1907 г. и похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга⁵⁴. Всего он прожил 58 лет. Четыре года его жизни (1875–1878) – это яркий взлет из начинающих адвокатов в корифеи русской адвокатуры, а все, что было до и после этого – скромный пролог и трагический эпилог: первые 27 лет жизни он готовил себя к тернистой стезе политического защитника, а последние 27 лет (после ареста) угасал в муках безумия. Такова судьба человека, которого русские революционеры считали «одним из самых преданных и даровитых» своих защитников на политических процессах 1870-х годов⁵⁵.

⁵² Литература партии «Народная воля». С. 19.

⁵³ ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 307. Л. 3–3 об.

⁵⁴ Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 142.

⁵⁵ Фигнер В. Н. Цит. соч. С. 260.